

Султанова Юлия Фанисовна

"ПЛОТНОСТЬ" ЯЗЫКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ Л. М. ЛЕОНОВА

Статья посвящена исследованию языка и стиля творческого наследия Л. М. Леонова. На основе проведенного анализа произведений разных лет издания автор выделяет особенности употребления афоризмов, в сжатой форме раскрывающих содержание объемных фраз, фразеологизмов, использованных в качестве раскрытия характеров героев, перифраза как средства создания оригинальных образов и графического выделения слов, вычлняющего значимые фрагменты текста.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/3-2/52.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (33): в 2-х ч. Ч. II. С. 189-191. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 80

Филологические науки

Статья посвящена исследованию языка и стиля творческого наследия Л. М. Леонова. На основе проведенного анализа произведений разных лет издания автор выделяет особенности употребления афоризмов, в сжатой форме раскрывающих содержание объемных фраз, фразеологизмов, использованных в качестве раскрытия характеров героев, перифраза как средства создания оригинальных образов и графического выделения слов, вычленивающего значимые фрагменты текста.

Ключевые слова и фразы: стиль; лексика; афоризм; фразеологизм; перифраз; словоупотребление.

Султанова Юлия Фанисовна*Башкирский государственный университет (филиал) в г. Бирске**Juliya.Sj@mail.ru***«ПЛОТНОСТЬ» ЯЗЫКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ Л. М. ЛЕОНОВА** ©

«Плотность» языка произведений Л. М. Леонова связана, прежде всего, с поиском смыслового наполнения слова как символа и слова как образа. Возможность раскрыть в наименьшей единице языка глубинное содержание, охватить весь «<...> простор для устремлений к отвлеченности, отжать факты живой жизни до степени концентрации усложненных мыслительных блоков» [10, с. 55] является для писателя одной из главных целей творчества.

Литературоведы всегда высоко отзывались о языке произведений Л. Леонова. О. Михайлов писал: «Стиль Л. Леонова многослоен, неоднозначен, всюду чем-то подсвечивается изнутри» [Там же]. Ф. Листван утверждает, что «одной из отличительных черт леоновского стиля является стремление писателя к краткости, смысловой насыщенности, к «емкости» слова и текста, к четкости и точности изложения» [9, с. 32]. В. Химич отмечает, что «активность авторского сознания обуславливает весьма разнообразную стилевую и эмоциональную окраску повествования. В его пределах писатель исполнен иронии, он патетичен, лиричен и недоступно суров, голос его беспощадно открыт и лукаво скрытен» [11, с. 90]. М. Горький также восхищался талантом прозаика: «Из неисчерпаемого богатства нашего языка Леонов искусно умеет отобрать те слова, изобразительность и звучность которых магически убедительна... Мастер своего дела, он, почти никогда не рассказывая, всегда изображает, пользуясь словом, как живописной краской» [Цит. по: 8, с. 111]. В критической литературе встречаются работы, посвященные изучению лексики произведений Л. Леонова. Однако, как правило, исследованию подвергается какая-либо одна категория языковых средств. Анализ всей совокупности использованных изобразительно-выразительных средств, фразеологизмов, афоризмов, особенно сти словоупотребления остается задачей будущего. В одной работе невозможно охватить весь словесный материал творческого наследия писателя, в связи с этим данная статья – попытка систематизировать особенности стиля Л. Леонова на примере произведений разных лет издания.

В большом количестве в произведениях писателя встречаются афоризмы. Иногда мысли, высказанные самим прозаиком в публицистике, впоследствии используются автором в речи героев произведений. В частности, афоризм «Все дети мира плачут на одном языке» [6, с. 109], впервые встречающийся в письме «Неизвестному американскому другу», затем употреблен в романе «Русский лес» без изменений. Либо, наоборот, афоризм, употребленный в произведении, затем можно обнаружить в переписке или интервью Л. Леонова. Например, реплика Дмитрия Векшина: «<...> нельзя в завтрашнее без вчерашнего войти <...>» [2, с. 130], – очень схожа с мыслью Ивана Вихрова: «Без изучения прошлого нельзя наметить столбовой дороги и в наше завтра <...>» [1, с. 270], – и самого писателя в письме к В. А. Ковалеву (5 июня 1960 года): «Человек не мыслим без всего груза своего прошлого» [Цит. по: 9, с. 33]. В некоторых случаях мастер слова открыто признается, словами какого героя выражает собственные мысли. В письме к В. А. Ковалеву (5 июня 1960 года) Л. Леонов писал: «Я вложил в уста Пикеринга мои давние мысли об искусстве. Мне как-то по душе этот сухопарый, умный, уродливый и несчастный англичанин» [Цит. по: Там же]. Таким образом, тематика афоризмов Л. Леонова довольно разнообразна: жизнь, смерть, война, мир, любовь, счастье, искусство, литература, судьба цивилизации. По форме афоризмы писателя могут состоять из одного простого предложения: «Терпение – посох подвига, который награждает время...» [5, с. 49], иногда максимально краткого предложения: «<...> бедность – мать ума <...>» [2, с. 433], либо из нескольких, дополняющих и поясняющих предложений. Так, на вопрос о смысле жизни Демид Золотухин ответил: «Ничего не ищю я, окромя тишины, покоя да еще легкости ищю вот сюда, – и помял оттопыренный на груди кармашек с захрустевшей там бумажкой» [1, с. 355]. Вихров уточняет: «Так ведь это же ты счастья пожелал, Демид Васильич, <...> а оно при дороге не валяется. За него платить надо чистоганом... и вперед надо платить» [Там же]. Высказывание героя перекликается с поэзией М. Лермонтова: «Уж не жду от жизни ничего я, / И не жаль мне прошлого ничуть; / Я ищю свободы и покоя!» [7, с. 137].

По строению афоризмы могут быть представлены определением: «<...> сердце – это глубже всякой шахты на земле» [4, с. 508], «<...> красота – это то, что любишь <...>» [5, с. 147], сравнением: «<...> в истории и в биологии – как в армии: при увольнении в запас имущество сдается в цейгауз» [Там же, с. 142], риторическим вопросом: «<...> разве глядят, в какую яму прятаться со страху?» [2, с. 466], отрицанием: «Культура

<...> не ящик со старыми, хоть и почтенными книгами, а движение, действие, способность мыслить дальше» [1, с. 179]. Некоторые афоризмы построены по принципу парадокса, представляют собой противоречие общепринятым установкам: «<...> великие гробницы живым нужнее, чем мертвым» [6, с. 496], «Настоящие люди живут так, что не умирают и после смерти!» [5, с. 292], либо в основе афоризма находятся противоположные понятия: «Бывают минуты, которые стоят вечности» [6, с. 84], в составе также может быть использована анафора: «<...> когда любовь и недостатки радуют, когда ее нет и достоинства раздражают» [4, с. 76-77].

Особый колорит повествованию придает перифраз: «Горькое и целительное лекарство, которое применила в отношении себя Россия <...>» [3, с. 67] – революция, «<...> все еще отвергается политической медициной Европы» [Там же] – контрреволюцией, «<...> путанные каменные извилины <...>» [Там же, с. 79] – улицы, «<...> угнетательное орудие, инструмент для подчинения <...>» [Там же, с. 108] – власть.

Важную роль при характеристике персонажей играют фразеологизмы. Огромное количество устойчивых выражений использовано автором в романе «Русский лес» для всестороннего освещения личности Александра Грацианского. Показывая алчность, скупость, жажду накопительства героя и его семьи, Л. Леонов пишет: «Они богатые... Знающие люди сказывали: под прикрытием совести в семь рук загребал» [1, с. 621]. Фразеологизм «в семь рук», то есть много, совместно с глаголом «загребал» несет отрицательную характеристику Грацианского. Выражение: «<...> вобьет Ивану клинышек в большое-то место» [Там же, с. 203] классифицирует ученого как подлого, низкого человека. Говоря о приспособленчестве Грацианского, желании продвигаться по карьерной лестнице, используя плоды чужого труда, писатель употребляет фразеологизм «двигаться на горбу идущего впереди» [Там же, с. 256]. В предложении: «Впрочем, и никто в мире из посторонних не помнил теперь Сережина происхождения, за исключением Грацианского, который терпеливо приберегал свое знание за пазухой, чтоб в подходящую минуту, в присутствии какого-нибудь влиятельного свидетеля, сразить своего противника наповал» [Там же, с. 346], – мастер слова использует два фразеологизма – «приберегал за пазухой» и «сразить наповал», характеризующие жестокость, желчность героя.

Акцентируя внимание на определенных словах и выражениях, писатель использует прием графического выделения. Так, в романе «Вор», изображая первое появление главного героя, Л. Леонов описывает не сам процесс прихода Векшина, а реакцию окружающих: «И вот уже завсегда таи только и пялили глаза что на новопришедшего, дивясь чему-то, завидуя и ужасно волнуясь; никто, впрочем, не смел глядеть на него в упор. Коммерсант в бекешке косился по сторонам, ища благоприятного повода удалиться, беспримерные усы его некрасиво обвисли» [2, с. 22], а затем: «Кто-то шепнул М и т ь к а <...>» [Там же]. Это позволяет прозаику показать особенное отношение к герою, преклонение других перед ним. Когда Поля Вихрова впервые гуляла по Москве, ей «<...> сразу стало легко и радостно от солнышка, от встречного ветерка, от обилия заманчивых приключений, ожидавших ее в будущем, а в душе на все лады пелась любимая ее поговорка, эпиграфом надписанная в дневничке: «И вот былинку понесла река!»» [1, с. 11], из «распахнутых окошек гремела одна и та же торжественная радиомызыка с единственно возможным названием – п р и г л а ш е н и е к ж и з н и» [Там же, с. 12]. Так уже с первых строк произведения Л. Леонов определяет тему романа – исследование основ человеческой жизни в ее различных категориях. К а р а в а й как определение детской игры является для героев символом мирной жизни и беззаботного детства; С е р е н а д Б р а г а для Грацианского – тревожные воспоминания. Часто автор выделяет местоимения в произведении, подчеркивая важность описываемого события: «Сперва он подумал даже, что по своей душевной изощренности э т о т человек вполне способен был и нарочно оставить гостя наедине со своей записной книжкой, чтоб одновременно создать вокруг себя атмосферу участия и жалости» [Там же, с. 627], «Вот ты долго жил за границей... ну, как о н и там <...>» [Там же, с. 631], «<...> он даже благодарен был ей за вынужденное расточительство, доставлявшее ему возможность похвастаться в с в о е м кругу, — равнявшее его с теми, выше себя, кому с ненавистью завидовал за возможность безотчетных и бесполезных трат...» [Там же, с. 656].

Таким образом, лексика произведений Л. Леонова отличается глубокой смысловой насыщенностью, емкостью, каждое слово служит символом и несет в себе определенную смысловую нагрузку. Афоризмы помогают писателю в краткой форме передать глубокую, обобщенную мысль, фразеологизмы служат психологической характеристикой персонажей, перифраз создает особый ассоциативный ряд, раскрывающий авторский замысел, а графическое выделение слов позволяет подчеркнуть смысл фразы или выражения.

Список литературы

1. Леонов Л. М. Русский лес: роман. М.: Худож. лит., 1988. 703 с.
2. Леонов Л. М. Собр. соч.: в 10-ти т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 3. Вор: роман. 614 с.
3. Леонов Л. М. Собр. соч.: в 10-ти т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 5. Скутаревский: роман. 320 с.
4. Леонов Л. М. Собр. соч.: в 10-ти т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 6. Дорога на Океан: роман. 528 с.
5. Леонов Л. М. Собр. соч.: в 10-ти т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 8. Повести. 319 с.
6. Леонов Л. М. Собр. соч.: в 10-ти т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 10. Публицистика; Фрагменты из романа. 631 с.
7. Лермонтов М. Ю. Лирика / сост. Э. М. Лемперт; послесл. К. Н. Ломунова; примеч. В. И. Корovina. М.: Дет. лит., 1984. 175 с.
8. Липатов А. Т. Семантическая радуга перифраза: от Пушкина до Шолохова. Йошкар-Ола, 2006. 224 с.
9. Листван Фредерика. Настоящая мудрость немногословна. Афоризмы Леонида Леонова // Литература XI-XXI вв. Национально-художественное мышление и картина мира: мат-лы междунар. науч. конф. (20-21 сентября, 2007 г., г. Ульяновск): в 2-х ч. Ульяновск: УлГТУ, 2007. Ч. II. Проблемы изучения творчества Л. Леонова. Итоги и перспективы / сост., отв. ред. проф. А. А. Дырдин. С. 32-37.
10. Михайлов О. Н. Л. М. Леонов о языке // Русская речь. 1987. № 3. С. 53-58.
11. Химич В. В. Поэтика романов Л. Леонова. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 144 с.

“DENSITY” OF L. M. LEONOV’S WORKS LANGUAGE**Sultanova Yuliya Fanisovna***Bashkir State University (Branch) in Birk
Juliya.Sj@mail.ru*

The article is devoted to researching the language and style of L. M. Leonov’s creative heritage. On the basis of the conducted analysis of different years’ works the author reveals the features of using aphorisms, which disclose the content of volumetric phrases in brief, phraseological units used for the heroes’ characters disclosure, periphrasis as a means of original images creation and the graphic emphasis of words that shows the important parts of the text.

Key words and phrases: style; vocabulary; aphorism; phraseological unit; periphrasis; word usage.

УДК 81

Филологические науки

В статье рассматриваются наименования цветов и их роль в языке И. А. Гончарова на материале его трёх романов: «Обыкновенная история», «Обломов» и «Обрыв»; выявляются наиболее употребительные из них. Особое место уделяется эстетической функции данной лексики, которая реализуется в ключевых сценах и в раскрытии образов персонажей. Рассмотренный материал позволяет утверждать, что в пределах каждого романа существует свой цветочный шифр, не совпадающий с другими текстами.

Ключевые слова и фразы: фитонимы; амбивалентная символика; цветочный шифр; метафора; прототипическая семантика.

У Луцянь*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
luqian@yandex.ru***«ЦВЕТЫ» В ИДИОСТИЛЕ И. А. ГОНЧАРОВА®**

В языке И. А. Гончарова, как и многих русских поэтов и писателей XIX в., важную структурную и семантическую роль играют фитонимы тематического блока «Цветы». Наше внимание привлекли романы «Обыкновенная история» (1847), «Обломов» (1859) и «Обрыв» (1869), в которых образ цветов наделён высокой символической значимостью.

Статистический анализ позволяет определить, что одним из самых частотных фитонимов в этих романах является слово *цветок* (188 словоупотреблений, и не только как обобщённо-родовое наименование), которое 15 раз появляется в словосочетаниях *большой жёлтый цветок*, *жёлтый цветок*, *жёлтые цветы* в романе «Обыкновенная история».

По описанию можно установить, что *жёлтый цветок* – это перифраза *жёлтой кувшинки* (народн. *кубышка*; *русалочный цветок*; *одолен-трава*; *водяной прострел*). Этимология научного названия кувшинки (*nutrhaea* < греч. *νύμφα*) связана с греческим сказанием о нимфе, погибшей от любви к Геркулесу [7, с. 194]. Соответственно в латинском языке *nuphar lutea* – «нимфа жёлтая» [10, с. 164]. Жёлтый – цвет разлуки, измены, разочарования. Всё это «становится символическим намёком на сущность любовных коллизий, связанных в романе с жёлтым цветком» [5]. Пётр изменил своей первой привязанности Марье, Александр – Софье.

Образ жёлтой кувшинки в романе обнаруживает свою амбивалентную символику – вызывает совершенно разные чувства у разлучённых судьбой влюблённых. С одной стороны, цветок издавна считается символом душевной чистоты, благородства и прекрасного. «Безупречно чистый цветок, растущий в илистых, заболоченных прудах, олицетворяет чистоту, свободное от иллюзий и омрачений сознание, просветлённость» [8, с. 137]. Недаром Марья, «старая девка», у которой «сей цветок и ныне хранится в книжке», дорожа счастливым прошлым, отчётливо помнит самые мелкие детали, связанные с *жёлтым цветком*.

Но, с другой стороны, красота цветка эфемерна, неуловима, как всё прекрасное. Образ его обретает мистические и страшные тона: германское народное поверье гласит, что в этих водяных лилиях вместе с крошечными эльфами живут нимфы-никсы (в славянской мифологии – русалки), в полночь увлекающие людей в подводное царство, где они заканчивают земной путь [7, с. 195-196]. В отличие от Марьи, верной своему первому избраннику, Пётр, ставший меркантильным, пренебрегает цветком и любовью. Рассматривая *жёлтый цветок*, равно как волосы и кольцо (подаренные Софьей своему племяннику «залогии»), как эмблему *всякой дряни и пустяков, неведущественные знаки*, он бросил их из окна в канал [4, с. 46-47].

Парные антонимические мотивы: *свет – тьма*, *теплота – холод*, *чистота – грязь* вызваны ботаническими свойствами кувшинки. К позитивным можем отнести её тесную связь с солнцем – источником света, тепла